

УДК 81'27
ББК 81

Робин Т. Лакофф
Беркли, США

Robin T. Lakoff
Berkeley, USA

**ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ VS.
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ**

**VERBAL AGGRESSION VS.
POLITICAL CORRECTNESS**

Аннотация. Перформативная теория речевых актов имела важные последствия для нескольких научных областей: философии и лингвистики (естественно), а также теории литературы, антропологии и образования. В последние годы теория речевых актов была включена в американский политический дискурс как усилиями юристов, так и ученых-социолингвистов. Но нигде в теории речевых актов нет таких конкретных и далеко идущих последствий, как в определении «языка ненависти» и его правовом статусе.

Ключевые слова: теория речевых актов, политический дискурс, «язык ненависти», политкорректность.

Abstract. The theory of performative speech acts has had important consequences for several academic fields: philosophy and linguistics (naturally), as well as literary theory, anthropology, and education. In recent years, it has been incorporated into the discourse of the law, by both legal scholars and sociolinguists. But nowhere does speech act theory have such concrete and far-reaching consequences as in the definitions of hate speech and its legal status.

Key words: theory of speech acts, discourse of the law, hate speech, political correctness.

Оригинал: Lakoff R. Hate speech : how the right came to love free speech. // Lakoff R. The Language war. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2001. P. 100–108.

Сведения об авторе: Лакофф Робин Т., эмерит-профессор департамента лингвистики Калифорнийского университета, Беркли.

About the author: Lakoff Robin T., University of California, Berkeley Linguistics Department, Professor Emerita.

Контактная информация: rlakoff@berkeley.edu

Язык вражды¹: как закон полюбил свободу слова

Жемчужиной в короне анти-политкорректности стала Первая Поправка к Конституции США². Исторически Первая Поправка была сильнейшим раздражителем для консерваторов: она защищала взгляды меньшинств, маргиналов и бесправных – не имея в виду, конечно, коммунистов и чего-нибудь еще хуже. Начиная от Закона о подстрекательстве, разработанного администрацией Адамса, до постоянных попыток принять конституционную поправку об осквернении

флага, консерваторы всегда пытались обуздать свободное выражение идей, в то время как либералы стремились сохранить рынок идей открытым для всех. На протяжении большей части этого века именно либеральное крыло Верховного суда отменило ограничения на выражение идей: от нацистских маршей до антивоенных протестов; а консервативное крыло пыталось их удержать. Но, когда положение дел решительно меняется и языковой контроль уходит от консерваторов, они пересматривают свои позиции. Если политкорректность может быть подана как попытка отнять у нас наше историческое право использовать любой язык, какой мы хотим, когда мы хотим, с кем мы хотим, ее сторонники могут быть выставлены противниками свободы слова и – вуаля! – мы все превратились в американских патриотических защитников Первой Поправки от всяких маргиналов (или политкорректной профессуры).

Никто прямо не потребует для себя права на использование оскорблений со значением вражды. Как отмечает Мэри Мацуда, те, кто имеет доступ к массмедиа, – образован-

¹ Hate speech ‘Язык вражды / разжигание ненависти’ – в США: противозаконные действия, состоящие в оскорблении человека или группы, основанном на дискриминации в отношении этого лица или группы. – Прим. перев.

² Первая Поправка к Конституции США запрещает принятие любых законов, ограничивающих свободу вероисповедания, свободу слова, свободу прессы, право на мирные демонстрации. Она была принята 15 декабря 1791 года, как одна из десяти поправок, составляющих Билль о правах. – Прим. перев.

ный высший класс, – не нуждаются в том, чтобы опускаться так низко: «Разные орудия расизма находят свой путь в руки разных членов доминирующих групп. Белые мужчины низшего и среднего класса могли бы использовать и насилие в отношении цветных, в то время как белые высшего класса будут использовать частные клубы или праведное негодование против “разнообразия” и “обратной дискриминации”» (в [1 : 23]). Так, представитель высшей касты на самом деле никогда не может использовать одиозные расистские или сексистские языки среди своих соратников и, следовательно, мог бы утверждать, что все это уже не существует более или что это не нужно воспринимать всерьез (потому что у нас нет нужды сталкиваться с этим в более неприятной форме). И хотя существуют оскорбительные эпитеты, которыми награждают мужчин и белых («*phallocrat*» ‘фаллократ’, «*honky*» ‘≈беложопый’), им не хватает «жала оскорбления» в отношении женщин, негров, латиноамериканцев и азиатов. Это потому, что, согласно Мацуда, «расистские высказывания провозглашают расовую неполноценность и отрицают личность у членов группы. Все члены группы провозглашаются одинаковыми и низшими» [1 : 36].

Но провозглашение неполноценности имеет смысл или даже возможно, только если оно эксплуатирует какой-либо старый стереотип восприятия одной расы (или пола) как неполноценных: это «Правило Снарка» (фантастическое животное в стихах Л. Кэрролла. – *Прим. перев.*), в котором говорится, что повторение делает заявление «правдой». Джудит Батлер определяет язык вражды как работающий через повторение одинаковых безопасных речевых актов: «язык вражды является актом своих прежних актов, требующих повторения в будущем, чтобы их терпели» [2: 20]. Так что если ваша группа или вы, как индивидуальный представитель этой группы, никогда раньше не подвергались таким оскорблениям, не встречались с эпитетами, направленными прямо на вас (хотя они и раздражают сами по себе), то вы не можете полностью оценить вредоносное воздействие истинного языка вражды. То есть нельзя сказать, что такой язык является доброкачественным. Но если вы не являетесь членом исторически спаянной группы, «вы просто не получаете этого», так как у вас нет элементарного понимания вреда, который такая речь может нанести. Так что вы довольно легко можете увидеть в расистских и сексистских языке и поведении «шутку» или «детские игры», а не требовать судебной защиты от них.

Те, кто не имеет личных причин чувствовать, что эпитеты вражды наносят вред, и кто в то же время чувствует, что любое оспаривание права использовать такие слова является серьезной угрозой для Первой Поправки, склонны чувствовать, что им не только разрешено, но они обязаны, как священный долг, противостоять любым попыткам законодательно утвердить контроль над языком, по крайней мере, тем попыткам, которые идут с противоположной стороны и пытаются ограничить наши лингвистические привычки и предпочтения. С законами, которые могут ограничить эти последние, по-прежнему нет никаких проблем. Отсюда и продолжающиеся попытки запретить на правовом уровне сжигание флага, и громкие перепалки, последовавшие за решением Верховного суда Техаса «1989-5-4» (В. Джонсон), что сжигание флага есть допустимая форма выражения в соответствии с Первой Поправкой. Отсюда и довольно сложные телодвижения конгрессмена Генри Хайда.

Хайд, стойкий консервативный адвокат, выступающий против аборт, был возмущен спич-кодами в одном университетском кампусе, как нарушением Первой Поправки. В 1991 году, в разгар этой истерии, Хайд сотрудничает с Американским союзом гражданских свобод (ACLU), чтобы протолкнуть законопроект об ограничении спич-кодов в кампусах через расширение сферы действия Первой Поправки на частные университеты (она уже действовала в общественных). Тем не менее практически в это же время Хайд с энтузиазмом поддержал майское (1991) решение Верховного Суда (Руст против Салливана), которое запретило медицинскому персоналу в больницах и клиниках, получающих государственную поддержку, очень многое: от простого упоминания аборта в разговоре с пациентами до утвердительного ответа на вопрос, разрешены ли аборты законом. В 1996 году Хайд был решительным сторонником Закона о пристойности коммуникаций (*Communications Decency Act*), который блокировал бы информацию о таких «неприличных» темах, как рак молочной железы, контроль за рождаемостью и аборты, от появления в Интернете.

Право на язык вражды

Чтобы благосклонно воспринимать идеи некоторых новоиспеченных защитников Первой Поправки, вам надо верить, что гарантия свободы слова есть и всегда была абсолютной. Но это далеко не так. Суды всегда признавали правомерность конкурирующих претензий: «прямая и явная угроза»,

«ложные выкрики “огонь” в переполненном театре», непосредственная угроза, «вербальная агрессия», национальный интерес, клевета, угрозы, подкуп, лжесвидетельство, клятвопреступление и т.д. Даже некоторые речевые права, которые мы считаем бесспорными сегодня, в том числе право на предоставление информации о противозачаточных средствах или право на протест против участия правительства в войне, были гарантированы только после трудной борьбы. Даже если контроль за языком вражды будет осуществляться в полном виде, это может не быть первым ограничением абсолютного права говорить нечто в любых обстоятельствах. Обдумывая необходимость принятия закона против языка вражды, первым мы ставим вопрос об обоснованности конкурирующих интересов. Перевешивает ли право пользоваться речью, свободной настолько, насколько это возможно, право на «равную защиту законом», гарантированное каждому из нас Четырнадцатой Поправкой³, и наоборот?

Этот аргумент восстанавливает сторонников Четырнадцатой Поправки (критиков расовой теории и борющихся с порнографией феминисток, таких как Кэтрин Маккиннон) против странной пары субъектов, состоящей из ярых либералов из ACLU и консервативных сторонников Первой Поправки. Все согласны с тем, что язык вражды отвратителен и ни один разумный человек никогда не будет использовать какую-либо форму его. Но стороны расходятся в том, что должно быть сделано, и в оценке последствий того, что сделано. Является ли расизм настолько распространенным по всей стране и в университетских кампусах, а другие средства защиты столь неэффективны, что спич-коды должны соблюдаться, чтобы гарантировать всем равную защиту в соответствии с Четырнадцатой Поправкой? Или же проблема преувеличена – существуют и другие способы борьбы с этим, и перевешивает ли потребность в сохранении Первой Поправки ответственность за соблюдение Четырнадцатой?

Как активный член ACLU, который также является членом пары исторически сложившихся социальных групп, и как представитель профессии, которая не терпит безого-

ворочных заявлений, я, естественно, не примыкаю ни к одной из сторон. Другие настроены более решительно. Так, приверженцы CRT (Critical Race Theory) склонны считать язык вражды широко распространенным явлением, разросшимся до «эпидемии», которая может быть остановлена только путем вакцинации спич-кодами. В предисловии к книге «Слова, которые ранят» ее четыре автора утверждают, что «О случаях языковой вражды и расового преследования сообщается все чаще и регулярнее, в частности, в американских колледжах, где это достигло масштабов эпидемии» [1 : 1].

Поскольку никакие цифры не приводятся, трудно оценить справедливость этого заявления. Даже сообщения о росте числа актов языка вражды в университетских кампусах не обязательно показывают, что язык вражды достиг масштаба «эпидемии», – и может даже не быть однозначно плохим признаком. Во-первых, большее количество может быть просто результатом того, что о таких актах больше сообщается, а это – знак того, что к меньшинствам прислушиваются больше и серьезнее, чем раньше, и что они сейчас чувствуют себя в достаточной безопасности, чтобы жаловаться. Даже если там на самом деле совершается больше таких деяний, это может просто означать, что присутствие большего количества меньшинств и женщин в местах, куда они ранее не были допущены, превращает их в более доступные мишени, и вызывает больше обид. Но если даже авторы «Слов, которые ранят» считают эндемический расизм и сексизм в Америке реальной угрозой, средства борьбы до сих пор неочевидны: для некоторых даже неочевидно, что любое средство необходимо, не говоря уже о том, что средства могут обернуться вмешательством в свободу слова.

Речевые акты: «только теория» или реальность?

Здесь уместно вспомнить положение теории перформативных речевых актов Дж. Остина. Остин сделал вывод, что язык эквивалентен действию, в том смысле, что все высказывания перформативны и все перформативы изменяют мир, то есть являются действиями. Эта теория имела важные последствия для нескольких научных областей: философии и лингвистики (естественно), а также теории литературы, антропологии и образования. Пока она безопасно локализована в академических сферах, это просто теория, которая применяется только к идеям, с небольшим количеством практических приложений. Но в последние годы она была включена в дискурс закона силами

³ Четырнадцатая Поправка к Конституции США была принята 9 июля 1868 года. Она устанавливает гражданские права и равную защиту законом, первоначально – для бывших рабов после Гражданской войны в США. Поправка многократно оспаривалась, особенно в южных штатах. – *Прим. перев.*

как ученых-юристов (как в ряде работ Питера Тирсмы [3, 4]), так и социолингвистов (см., например, [5]). Но нигде у теории речевых актов нет таких конкретных и далеко идущих последствий, как в определении языка вражды и его правового статуса.

Те, кто верит в формулировку Остина, вероятно, согласятся последовать ей до логического конца: что языковое недостойное поведение является одним из видов плохих поступков и должно рассматриваться в качестве такового законом – уголовным и гражданско-правовым. Последовательный остинианец, вероятно, поддержит спич-коды. Если проблема с исполнением возникнет в связи с неопределенностью или двусмысленностью языка, это работа кодификаторов – переписать свои уставы достаточно ясно, чтобы решить эту проблему. Те, кто не согласен с Остином, склонны рассматривать слова как нечто очень иное, чем действия, находящееся за пределами досягаемости средств правовой защиты в большинстве или даже во всех случаях.

Есть много промежуточных позиций и лазеек, в зависимости от способности к проведению различий между теми видами языка, которые эквивалентны действиям, и другими, которые ближе к эквивалентам мыслей. Добавленный к Первой Поправке параграф 192.0 разделяет высказывания на этом основании: язык, который представляет собой «выражение» и получает высокую степень защиты в соответствии с Первой Поправкой, и язык, который представляет собой «поведение» и не получает этого. Политические лозунги, такие как «*Республиканцы достойны победы*», будут отнесены к первой категории и будут защищены, в то время как угроза (даже в косвенной форме) наподобие: «*У меня есть пистолет, и я знаю, как его использовать*» будет при прочих равных условиях рассматриваться как «поведение» и квалифицирована как уголовное преступление.

Важным понятием является «*вербальная агрессия*» (*fighting words*), согласно решению Верховного суда (процесс В. Чаплинского против Нью-Гемпшира, 1942), который определил категорию «вербальная агрессия» как незащищаемый законом эквивалент действия. Чаплинский, Свидетель Иеговы, вступил в словесную перепалку с начальником полицейского участка Рочестера, штат Нью-Гемпшир, в ходе которой использовал язык, считающийся в то время очень шокирующим, назвав начальника полицейского участка «*проклятый рэкетир*» и «*проклятый фашист*». Он был арестован и признан виновным по спич-коду города,

который запрещает «вербальную агрессию». Дело было обжаловано в Верховном суде США, который принял решение в пользу штата. Суд единогласно принял определение «вербальной агрессии»: «Есть определенные четко ограниченные формы речи, предупреждение и наказание за которые никогда не составляло конституционной проблемы. К ним относятся скабрзные, непристойные, грубые, клеветнические, оскорбительные слова или «вербальная агрессия» – те, которые в силу своего произнесения наносят травму или подстрекают к нарушению мира».

В то же время Чаплинский, как и последующие решения суда, цитирующие эту формулировку как прецедент, находят оправдание для «вербальной агрессии» в обязанностях правительства по предотвращению травмирования граждан и сохранению мира. Первое было, по сути, сведено на нет более поздними событиями, тогда как второе открыло для апелляционных судов настоящий ящик Пандоры. Если опасность «вербальной агрессии» в том, что адресат склонен к потере контроля и нарушению мира («нарушение» будет сделано, с этой точки зрения, только через действия, а не через оскорбительные высказывания как таковые), почему бы не применить к нарушителю (не говорящему) санкции? Суд исходит из той посылки, что некоторые слова так плохи, что, услышав их, обычный человек должен отмести их рефлекторно (как, когда врач постукивает ваше колено молотком, вы должны дернуть ногой). Никакого другого психологического или иного доказательства в поддержку этого предложения не приводится.

Чаплинский, казалось бы, убеждает, что вербальные агрессоры должны выбирать свои цели тщательно. Лица с меньшим количеством тестостерона, как известно, намного реже, чем с большим, физически реагируют на провокации. Так что, по-видимому, оскорбление женщин более соответствует характеру Чаплинского, чем оскорбление мужчин, и, по-видимому, лучше оскорбить кого-то меньшего, чем вы (у кого будет меньше шансов «нарушить мир»), чем кого-то большего. Ученые, которые пытаются оправдать спич-коды в наши дни, как и авторы «Слов, которые ранят», выходят из положения, рассуждая в терминах психологической, а не физической травмы. Но возможная допустимость «вербальной агрессии» не оправдывается излечением психологических ран, и, даже если бы так и было, определение, имела ли место психологическая травма (если это вообще возможно), не дело суда и присяжных.

Как бы мы, лингвисты, ни любили остинскую концепцию (если слова являются действиями, значит, то, что мы, лингвисты, делаем, важно!), мы должны признать, что на самом деле слова – не то же самое, что действия. Большинство людей при выборе между отвратительным эпитетом и ударом в нос выбрало бы первое. Возможно, это потому, что второе имеет непосредственные и очевидные болезненные последствия, в то время как эффекты первого занимают больше времени, чтобы проявиться, и их труднее напрямую связать с действием. Если, как сказал судья, впусив Улисса в страну, ни одна женщина не была когда-либо соблазнена книгой, то никто и не был убит словом. Если язык изменит мир, то, как он работает, отличается от прямого действия – и менее доступно для судебного-правового разбирательства.

Франклин Хайман в работе «Речевые акты» и Первая Поправка» [6] указывает, что язык является «опосредованным» действием. Остин не совсем прав, полагает он, в приравнивании перформативности к действию. Когда я отдаю приказ, вы должны осуществить ментальный акт принятия решения или желания подчиниться мне. Даже в случае четкого отвода или изгнания адресат должен определить, что соответствующие условия выполнены, и решить, как вести себя, будучи изгнанным, в будущем, для того чтобы добиться успеха. Одни лишь слова, указывает Хайман, не имеют смысла: они получают силу через согласие всех участников о характере реальных обстоятельств, в которых они находятся.

Но Хайман не совсем прав, отрицая теорию слов-действий полностью. В то время как слова не являются в такой же степени непосредственно изменяющими мир, как

действия, они являются изменяющими мир косвенно или психологически. Если я дам вам *обещание*, это высказывание навсегда изменит наши отношения и способ, каким я думаю о вас и веду себя по отношению к вам, как и вы ко мне, в будущем. Сказать, что речь не действие, значит совершить логическую ошибку слишком резкого противопоставления разума и тела.

То, как мы относимся к языку вражды и Первой Поправке, отражает нашу точку зрения о самом языке. Если мы считаем, что слова не изменяют мир, мы склонны чувствовать себя комфортно с интерпретацией Первой Поправки, которая позволяет гораздо больше свободы слова, чем это нужно в реальной практике. Но эта свобода дается ценой, по иронии судьбы, девальвации языка – он рассматривается как бездействие, как, в сущности, безобидный.

REFERENCES

1. Matsuda M., Charles R. L., Delgado R., Kimberlé W. K. *Words That Wound: Critical Race Theory, Assaultive Speech, and the First Amendment*. San Francisco; Oxford, 1993. 168 p.
2. Butler J. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York, 1997. 200 p.
3. Tiersma P. The Language of Offer and Acceptance: Speech Acts and the Question of Intent. *California Law Review*. 1986, vol. 74, iss. 1, pp. 189–232.
4. Tiersma P. The Language of Defamation. *Texas Law Review*. 1987, vol. 66, pp. 303–335.
5. Shuy R. *Language Crimes: The Use and Abuse of Language Evidence in the Courtroom*. Oxford, 1993. 232 p.
6. Haiman F. «*Speech Acts*» and the First Amendment. Carbondale and Edwardsville, 1993. 120 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике